

Чэнь Таотао, вернувшись во двор Нинси, первым делом приказала Минъюэ объявить всем, что Чан Ань украл нефритовую подвеску и устроил ссору, а потому, дабы он не совершил новых краж, его с сегодняшнего дня переводят жить в задний двор, запретив покидать его пределы. Также было объявлено, что наказание за воровство барышня возьмет на себя, поэтому никому не позволено разносить слухи или приходить к нему с визитами.

Когда Минъюэ пришла передать распоряжение, Чан Ань лежал на кровати, едва находясь в сознании. Вчерашние раны были серьезны, а ледяная вода, которую вылила на него Минъюэ, лишь усугубила положение: сейчас у него был сильный жар, и он был при смерти.

— Я не крал, — прошептал юноша слабым голосом, в котором, несмотря на немощь, слышались твердость и упорство. — Этот нефрит был моим... моим.

Но никто не обращал внимания на его слабость и слова.

— Не крал? Ты всего лишь слуга, откуда у тебя мог взяться такой драгоценный нефрит? — насмехались над ним.

— Тьфу! За такое преступление, как кража, положено отрубать руки!

— Думаю, раз барышня решила лично заняться его наказанием, вряд ли он выйдет оттуда живым. Мы-то знаем методы нашей госпожи. Лучше бы тебе сейчас умереть от болезни, чтобы потом не мучиться от пыток!

Слуги, насмехаясь, пинали Чан Аня, ведь было неизвестно, удастся ли им еще увидеть его живым. Минъюэ холодно смотрела на них, не зная, что сказать. Глядя на его мертвенно-бледное лицо и тщедушную фигуру, неспособную даже на сопротивление, она никак не могла понять, почему госпожа так старательно его оберегает: не только поселила неподалеку от своих покоев, но и запретила кому-либо его беспокоить.

— Хватит, переносите его на задний двор, госпожа ждет, — скомандовала Минъюэ.

Услышав приказ, остальные прекратили издевательства и, волоча едва дышащего Чан Аня, потащили его в сторону заднего двора.

Когда Чэнь Таотао пришла туда, она увидела следующую картину: юношу с лицом без единой капли крови бросили в заброшенную лачугу, и от удара о кровать поднялось облако пыли. Он уже бредил. Дождавшись, пока все уйдут, Чэнь Таотао поспешила к нему.

— Чан Ань, что с тобой? Очнись!

Не получив ответа, она заволновалась.

— Минъюэ, помоги мне перенести его в мою комнату.

— Барышня, это невозможно! Как можно пускать мужчину в ваши покои? — испуганно возразила Минъюэ.

— Но посмотри на это место, разве здесь можно жить? Он же совсем плох!

Минъюэ была в отчаянии. Раньше ее госпожа никогда не проявляла такой заботы о слуге, но раз она сама говорила, что он не простой человек, удивляться не стоило.

Две хрупкие девушки с трудом дотащили Чан Аня до комнаты Чэнь Таотао. Таотао тяжело дышала от усталости.

— Хорошо, что недалеко, а то мы бы совсем выбились из сил.

— Барышня, вы принесли его в свою спальню, что вы собираетесь делать? — задыхаясь, спросила Минъюэ.

— А что еще делать? Конечно, лечить. Посмотри, какой у него жар.

— А как же... отрубание рук?

— Каких еще рук? Ой, не забивай этим голову, я сама во всем разберусь.

Самое важное сейчас — вылечить его! Дедом Чэнь Таотао по материнской линии был торговец лекарствами. Именно он привез из Западного края тот самый яд, из-за которого И Чанъань лишился своих боевых навыков и памяти. С таким дедом у Чэнь Таотао было полно редких снадобий: как смертельных ядов, так и чудодейственных лекарств, способных спасти жизнь.

— Минъюэ, принеси то чудодейственное лекарство от жара, что оставила мне матушка!

— Вы хотите отдать его ему? — с сожалением спросила Минъюэ.

— Спасение жизни важнее всего, иди же скорее! — пробормотала про себя Таотао: в конце концов, сколько он может съесть?

Когда Минъюэ принесла лекарство, Таотао поняла, почему та так жалела его: в коробочке оставалось всего две пилюли.

— Дай ему сначала одну, — вздохнула она, чувствуя, как сжимается сердце от потери столь ценного средства.

Она бережно вложила пилюлю ему в рот.

Я так стараюсь спасти тебя, ты уж постарайся больше не пытаться меня убить, — мысленно прошептала она, глядя на закрытые глаза юноши.

Затем она взяла мазь и аккуратно обработала следы от плети на его руках. Поправляя пряди волос на его лбу, она сама не заметила, как ее взгляд стал необычайно мягким. Миньюэ всегда считала, что нежность ее госпожи — лишь маска для окружающих, но сегодня, когда никого не было рядом, она увидела, с какой теплотой та смотрит на чистое лицо юноши.

На самом деле, Чэнь Таотао и сама не ожидала, что будет так жалеть его. Если бы она покончила с ним сейчас, кошмары из ее снов больше не повторились бы. Но, глядя на его нежные черты лица и простодушное, почти детское выражение, она не могла не смягчиться. Словно он был тем самым человеком, который вызывает сочувствие, но из-за сюжета, который она сама же и задала, шаг за шагом приближается к ненависти. Сочетание вины и жалости не дало ей нанести удар.

Лекарство быстро сбило жар, и хотя он не пришел в сознание, дыхание стало ровным.

За окном сияла луна. Чэнь Таотао и Миньюэ отправились приводить в порядок ту лачугу: вымели пыль, постелили новое белье, поставили стол, стулья и цветы, которые Таотао принесла из своей комнаты. Заметив, что Миньюэ молчит, она с улыбкой спросила, что случилось.

— Госпожа, мне кажется, я перестаю вас узнавать.

Улыбка Чэнь Таотао застыла. Неужели служанка начала что-то подозревать? Но Миньюэ продолжила:

— За эти два месяца вы стали совсем другой. Раньше вы каждый год приглашали кузину любоваться увядающими лотосами, а в этом году вы велели их выкорчевать и больше не звали ее. Напротив, вы стали очень близки со второй барышней. И этот Чан Ань... откуда вы знаете, что он не простой человек, и почему так добры к нему?

Чэнь Таотао взглянула на Миньюэ и поняла, что та не может не сомневаться. Что будет, если она узнает правду? Все доверие Миньюэ держалось на том, что она выросла вместе с настоящей Чэнь Таотао. Если правда вскроется, она потеряет последнего человека, которому могла бы доверять в этом мире.

Как иронично: в романе она больше всего ненавидела Чэнь Таотао, а в итоге сама оказалась в ее теле и теперь вынуждена пользоваться ее личностью, чтобы удержать доверие Миньюэ.

Ладно, пусть будет так, как есть, пока удастся скрывать правду.

— Минъюэ, знаешь, мне в последнее время снится один и тот же сон. В нем Чан Ань заливает кровью наш двор Нинси, и ты, и я, и все здесь погибают от его меча.

— Госпожа, так вот почему вы так добры к нему? Бойтесь, что он затаит злобу? Но госпожа, это всего лишь сон! Посмотрите на него, он же просто слуга, которого все обижают, — изумилась Минъюэ.

Чэнь Таотао промолчала и достала ту самую нефритовую подвеску.

— Минъюэ, посмотри на качество этого нефрита. Такого не найти даже в поместье Гогун. Ты ведь знаешь, что это не моя вещь. Как ты думаешь, если бы он был простым слугой, мог бы у него быть такой предмет?

— Госпожа, вы хотите сказать...

— Пока что я сама не знаю, кто он такой. На всякий случай мы будем его оберегать, пока он не вспомнит всё. Понимаешь?

— Минъюэ не понимает. Но я готова верить вам, — твердо ответила она, глядя в глаза Чэнь Таотао. Та лишь слегка улыбнулась, отвернувшись, чтобы скрыть боль.

— И еще. Ся Цинъюнь ведет себя нагло и бесцеремонно, а Хаохао — моя родная сестра, законная дочь семьи Гогун. Ради будущего мне нельзя больше заодно с Ся Цинъюнь вредить Хаохао.

Ся Цинъюнь была кузиной Чэнь Таотао. Та дружила с ней лишь для того, чтобы чужими руками создавать неприятности Чэнь Хаохао и позорить ее. Но Хаохао всегда удавалось выходить из положения. После смерти Чэнь Таотао эта глупая Ся Цинъюнь попыталась подставить Хаохао, которая к тому времени уже стала княгиней, была разоблачена и закончила свои дни крайне печально.

Пытаться тягаться с главной героиней, обладающей сюжетной броней, было верхом глупости. Таких людей нельзя подпускать к себе близко. Разве не лучше спокойно дожить до финала под защитой главной героини? Хотя... даже Хаохао не ждал счастливый конец.

Минъюэ, зная расчетливость своей госпожи, не стала спорить, лишь задумалась о том, как в следующий раз выпроводить Ся Цинъюнь за ворота.

— Уже поздно. Пойдем, проведем его.

<http://bllate.org/book/18614/1792166>